

Выброшенные на берег / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Выброшенные на берег / рассказ ВЫБРОШЕННЫЕ НА БЕРЕГ

Я не знала, что подарить маме. Не потому, что у неё всё было. Совсем наоборот. Просто мама не умела радоваться мелочам. Все мелкие радости – это были бутылочные пробки, которыми не закупорить километровых кратеров её обездоленной души. И мама не находила этим пробкам смысла.

С папой всё обстояло иначе. Он радовался каждой отловленной рыбе, каждой встрече с китами, проплывающими поблизости от дрейфтера. И потом днями напролёт ходил окрылённый.

Сложнее всего приходилось мне: я хотела радоваться, как отец, но была обязана сострадать маминым кратерам. Рядом с мамой все стеснялись сказать, что им отчего-то хорошо. Я постепенно привыкла к тому, что, если мне хорошо, значит, я недостаточно глубоко чувствую, поверхностно мыслю и вообще не понимаю, как эту жизнь жить. Комплекс вины перед страдальцей-мамой – даже этого стало мало. Со временем я осознала, что виновата перед самой собой, если слишком долго чему-то радуюсь даже наедине. Хотелось кричать в себя изо всех сил: проснись, ты теряешь своё лицо, начни страдать, чтобы оставаться человеком!

– И куда ты завтра идёшь? – мамина фигура, угловатая не столько из-за сложения, сколько от резких, рваных движений, непрерывно качалась за гладильной доской.

– С папой выплываю.

– Снова? И послезавтра тоже, значит?

– Мам, что значит «значит»? Я разве говорила, что послезавтра выплываю тоже? Скажи честно.

– Ну не знаю, не знаю, – мама отмахнулась от поднявшегося вверх пара и с ещё большим упорством продолжила глажку. – Что-нибудь приготовить завтра?

– Что-нибудь можешь и не готовить, мам. Или свари картошку, –

я встала с дивана и постаралась выйти из зала так, чтобы не потащить за собой шлейф маминых замечаний: то есть скрутиться и выкатиться, как будто случайно.

Закрывшись в своей комнате, я села на кровать и открыла коробку с полароидными снимками. На одном снимке мамы руки перебирают принесённую папой рыбу; на другом – папа накинул на маму рыболовную сеть, а мама едва держится на ногах от смеха; вот здесь родители чинят старую сломанную духовку: оба в перчатках соскрёбывают сажу; вот папа примеряет связанный мамой свитер, и он оказывается слишком велик.

Я достала из шкафа небольшой альбом для фотографий, купленный заранее, и стала один за другим вкладывать снимки в страницы. Родители не видели этих фотографий, отснятых последней зимой, и моё предвкушение росло: вот сейчас я заявлюсь в кухню и начну поздравлять.

– ...Я не понимаю, что плохого в этой книге. Что за неадекватная реакция, Витя? – мама так старательно залила губку моющим средством, что тарелка в её руках исчезла в пене.

– Они хотят тебя загипнотизировать! Ну вот посмотри на эти лица, – и папа небрежно пролистал красочную книгу остановившись на одной из страниц. – Смотри: ёп вашу мать, у них даже животные улыбаются. Ты когда-нибудь видела улыбающихся животных?

– Да, тамарина овчарка.

– Кстати, Тамара и подсунула тебе эту книгу?

– Не подсунула, а подарила. На день рождения.

– Короче, Лен, я против. Читай, если хочешь, но ребёнка не вмешивай.

– Ты просто очень консервативный, Вить.

– Я просто не люблю, когда мне улыбаются животные.

Когда я вошла в кухню, папа как раз отбросил книгу подальше на кухонный стол, завалился на стул, уложил подбородок на ладонь и уставился на мамин затылок.

– Что за животные? – спрашиваю, хотя их громкий разговор, конечно, доносился и до меня. Родители всегда выясняли отношения, даже не думая о том, что мне этого слышать необязательно.

– Да вот, тамарина овчарка. Она улыбается людям, – нарочито серьёзно начал отец. – Готова в трудные минуты подставить плечо. И в её глазах... ну как тебе передать...

– Витя, прошу...

– Мам, с днём рождения, моя хорошая, – я обняла маму и прижалась щекой к её показавшейся в ту минуту монолитной спине. Спина немного дрогнула, и мама сдержанно склонила голову ко мне. Я закрыла глаза и представила, как зарываюсь лицом в книжные страницы. Их запах отвлекает, успокаивает. – Не более. Не грусти.

Мама оставила посуду, протёрла руки и, наконец, повернулась к нам с отцом. Плечи её упали, руки тоже упали. Губы медленно улыбнулись, потом глаза. И наверно, внутри она тоже улыбалась.

– В этой книге не такие яркие краски, но всё же она настоящая, – неуверенно начала я и протянула маме обвязанный лентой фотоальбом. – Это для тебя. От нас с папой, – и мы с отцом переглянулись. Папа в недоумении потёр лоб и неуклюже склонил голову в знак согласия, а потом уставился на скол в кафельной плитке за мамой.

В это же время вчера мы были на берегу, и папа готовился к рыбалке на своём дрифтере, а мама сидела на большом камне и зашивала свою старую юбку, без жалости стягивая и выворачивая её.

– Я забегу к Тамаре по пути домой. Она звонила, просила зайти. Важное дело, говорит. А вас когда домой ждать?

– А поплыли с нами, чаечка.

– Вить, я тебя прошу. Этой живности морской мне хватило на три жизни вперёд.

Через час мама продолжала зашивать юбку уже на палубе дрифтера, папа тянул снасти, а я возилась со своим Полароидом, и мы казались настоящей семьёй: из тех, что счастливы одинаково.

– А помнишь, Лен, Валерку Прудникова? Хотя столько лет прошло...

– Валера? Прудников? – переспросила мама, нечаянно уколовшись иглой. – Это наш общий знакомый, что ли? Перебираю в голове, и что-то не...

– Да в общежитии одном жили же. В Петропавловске-Камчатском.

Этажом ниже был парень один. Стеснительный такой, девушки аж потешались.

– Вить, кого там на этажах только не было, разных. Всех не запомнить.

– Ну короче, встретил я его в прошлом месяце в Петропавловске-Камчатском. Честно, по родинке его большой на шее узнал. А так вот ни за что бы.

Мама непроизвольно скручивала юбку, пока не послышался звук первых лопающихся нитей. Это привело её в чувства, и она расправила мятую материю.

– Ну ты даёшь, ещё и родинку запомнил.

– Да мы дружили долгое время. Я как с тобой прощался, так к нему спускался на этаж ниже пиво пить. А он только со мной и откровенничал, – папа закачал головой, усмехнувшись себе под нос. – Вот честно, таких больше не встречал: влюблённый ходил, а на решительные шаги не шёл. Она, говорил, локоны свои крутит на палец и обратно выкручивает, и, главное, не замечает сама, а мне нравится: смотрю, упиваюсь, век бы смотрел. Ну я его всё подначивал, говорю: сведу, хочешь, придумаем сценарий, будто всё случайно. Он на меня сразу как испуганными глазами посмотрит, руками отмахивается. И её от меня всё прячет. Как-то на вечеринке всё общежитие собралось, я его просил: ну, покажи, которая. Не раскололся.

– Витя, это очень личное, а ты лез к нему со своими советами.

– Так я одного не понимал: рассказывать мне о чувствах – рассказывал, а сам действий не предпринимал и помощи моей не хотел. Ну кому нужна такая любовь. Локонами только любоваться, что ли?

– А может, были они знакомы. Может, он не всего рассказывал.

– Так любовь у него была какая-то по рассказам нелепая.

– Это ещё не значит, что они были незнакомы. Может, что-то не складывалось.

– Это я потом узнал, что не складывалось! Ну и говорю ему: раз вы там уже далеко зашли, (а зашли они, как я вскоре понял, ох как далеко!), и раз ты её любишь, что замуж-то не зовёшь? А он: боюсь жениться. Вот боюсь, и всё теперь. Хочу, мол, чтобы она всегда была рядом: этажом выше.

– И что мы вообще всё о его студенческих годах? – мама вскинула руки и уронила их на колени. – Ты вроде его недавно видел.

– Да. Поговорили по душам. Он так один и остался. Бизнесом занят, баржами несколькими владеет, товары перегоняет. Из города не переезжал. Я его, короче, к нам в гости приглашал. А он снова как отмахиваться начал: я подумал, вот если бы не родинка его, так по движению рук узнал бы. Ну я и не понял. Спрашиваю: островов боишься, что ли. И начал он тут отшучиваться.

– Значит, не придёт в гости, – мамин голос прозвучал как на одной ноте, плоско, без интонаций, и она снова взялась за иглу.

– Вот я не в пример: решил, поцеловал, пообнимал, полюбил.

– Ох, павлин...

– А что? Ну чем я не герой? Вспомни, сколько я добивался нашей с тобой первой встречи. И добился ведь!

– Да я просто устала тебя выпроваживать.

– Значит, это работает! Сама только что подтвердила.

Я смотрела на родителей и поймала себя на мысли, что редко они вспоминали о своей молодости. А тут вспомнили и сразу ожили.

– Витя, я до самого конца была не уверена, оставаться с тобой или нет.

– Охохох...

– А ведь я серьёзно, – и мамин тон действительно утратил последние нотки кокетства. – Просто потом... Ну ты знаешь, мы по неосторожности... – и мама оглянулась на меня. – Ну я решила, что именно с тобой нужно строить эту вдруг зарождающуюся семью. Мне казалось, что так правильно. А ты был готов хоть завтра.

– «Именно со мной», – папа гордо подмигнул мне. – Неспроста.

– Ой, вот только не надо! – мама игриво пригрозила ему пальцем, но потом снова помрачнела. – Да, непростое было для меня время...

– А поехали к Валерке в гости! – вдруг решился отец и всем телом развернулся к маме.

– Господи, Вить, о чём ты. Я его вообще не помню, ты его

столько лет не видел. Это даже как-то неудобно вот так нагряться, — мама закатила глаза и развела руками. — Ну скажешь ведь иногда!

— Ужас, какие все вокруг меня нерешительные, — папа махнул на маму рукой и успел уловить её стальной испытывающий взгляд и в ответ не отвести своего. — Дочь, а давай тогда я и ты.

— Ну что ты заладил, наконец! — не сдержалась мама, и голос её дрогнул.

— Пап, ну не хочет мама видеться с чужими людьми. Не приставай. Я вообще-то тоже не хочу. Ты плыви сам. Встреться, поговори. Никто же тебя не держит.

— Я и сам никого не держу.

— В смысле? — мама невозмутимо срезала зубами нить, вдела иглу в катушку и расправила юбку, а та на ветру чуть не улетела.

— Ай, оставь! — папа снова махнул рукой. — Не поговорить.

Как же вы мне оба надоели, подумала я, и отошла к самому носу дрифтера. Невдалеке проплывали киты, но никто уже не обращал на них никакого внимания. Я оглянулась назад, на село Никольское: оно рябило в глазах яркими красками стен и крыш, призванных бороться с человеческим унынием на бесцветном севере.

С соседкой Зойкой мы как-то напоролись в интернете на статью про людей, которые режут тело, чтобы вылечить душу. Такое насилие над собой они используют как попытку уменьшить эмоциональное напряжение. Это для них важный выбор. Пару раз я замечала на маминых ладонях ссадины от ногтей. Глубокие рубцы. Нет, ну это, конечно, не работа с лезвием, это даже не попытка себя резать. Это больше спазм. Мне кажется, все мамины слёзы перешли в эти рубцы на ладонях. Сжимая кулаки, она давала волю накопившейся боли. Она её отпускала, засаживая под кожу, обратно в себя.

Тамарин подарок привлёк мамину потухающую душу, потому что в этой книге ей снова давали обещания, как когда-то давал отец, завлёкший маму на остров Беринга. Мама не видела чудес, а отец предстал свидетелем чуда и обещал маме его показать. Я даже не знаю, что изменилось в маме с тех пор: она всегда хотела обманываться, хотела обмануться как можно скорей, чтобы больше

ничего не ждать.

– Маш, слышала про командорскую морскую корову? – окликнул меня отец.

– Ну она в музее нашем есть, с классом ходили на кости её смотреть.

– Морская страдалица... – протянул папа с сочувствием в голосе.

– Она же только здесь и осталась, на Командорах. А люди как заселили острова, так её род и истребили, сволочи. Но ничто же не проходит бесследно. Не стало нашей коровушки, капусту морскую стало некому есть. Так капуста разрослась, а в густых зарослях многим птицам стало сложно вылавливать рыбу. И несколько видов птиц вымерло сразу за морской коровой. Страшное дело. И знаешь, рассказывают, что, когда убили последнюю самку, самец коровы не покидал мёртвую подругу. Он даже спастись не пытался. Просто остался там на берегу у самых волн и скорбел. Но недолго: его убили следующим. Вот она, преданность, – папа потёр затылок, улыбаясь пустой улыбкой. – Мне кажется, я и есть тот самец морской коровы: склонился над своей мёртвой подругой и никуда не отплываю. Зачем? А чёрт меня знает. Я же ещё могу спастись и прожить долгую жизнь. Но что мне с этого? Мою подругу пожирают мухи, и не будет моему роду больше продолжения. И я сам теперь ничей, – заключил папа и напоследок запел громко и с тоской. Ветер глушил его голос, но отец словно сопротивлялся силе природы:

Возле берега носит бережно

чаек пенистая волна.

Остров Беринга, остров Беринга...

У Никольского – тишина. (1)

Папа достал из кармана мятую пачку, вытянул из неё сигарету и, прикрыв её от сильного ветра, едва зажёг, прикуривая. Затем выдохнул и затаился, уставившись в линию горизонта, как на скол в кафельной плитке.

– Я, знаешь, думал всё студенческое время, что Валерка – дурак. Робкий, нерешительный дурак. Что даже другу до конца не откроется. А однажды случайно увидел их вдвоём на берегу.

Стояли такие, за руки держаться, она всё головой качает, он ей то в руки смотрит, то на живот, к себе настойчиво тянет и почти плачет. Мужик – и почти плачет. А она набралась смелости, руки вдруг отдернула, сорвалась с места и ушла. Как сейчас помню: он остался стоять, а она поплелась назад в общежитие и по пути рыдает. Ну а я что – тоже поспешил уйти незамеченным, – папа выкинул недокуренную сигарету за борт и снова уставился в скол.

Я смотрела на маму, она смотрела на затылок отца, а он ещё долго не поворачивался, вздыбив плечи и втянув в них голову.

– Я больше никогда в своей жизни не видел, чтобы женщина так рыдала. Хотя видел плачущих. Но чтобы так... Чтобы на всю жизнь вперёд хватило. Не видел, ей-богу.

Старую, наспех зашитую юбку сорвало с маминых колен резким порывом ветра и выкинуло на беспокойные волны. Мама, неустанно закручивая и выкручивая локон, выпавший из собранного хвоста, впечатала застывший взгляд в бесформенную материю за бортом, пока юбку не унесло в туман. Уже на следующее утро, там, в кухне, в день рождения мамы, никто больше не упоминал вслух о старом друге отца. А фотоальбом мама тогда потеребила в руках и пролистала страницы так быстро, что все лица и предметы смазались в одну кашу. А потом отложила эти бутылочные пробки на стол и похлопала меня по плечу.

1 – Текст из композиции «Мои Командоры» в исполнении Натальи Фоминой. Студия «Дар»

Об авторе: АНАИТ САГОЯН

Прозаик, магистр Восточноевропейских Исследований (Потсдамский университет). Родилась в Санкт-Петербурге, жила в Тбилиси, сейчас живет в Германии. Публиковалась в журнале «Берлин. Берега». Лонг-лист премии «Рукопись года 2019» издательства Астрель-СПб, «Филатов Фест». Участница 16-го Форума молодых писателей в Липках. Neкаýalar